В этот момент Вернон прервался, и на его лице появилось выражение растущего страха, к которому присоединилась и его жена. Ирука решил, что с него достаточно фанатичной язвительности этого человека, и позволил небольшому количеству сакки, подпитываемой гневом, вылиться в сторону взрослых Дурслей. Однако он ограничился лишь малой толикой; еще немного, и он, вероятно, отправил бы страдающего ожирением гражданина в смертельный сердечный приступ.

"Сидеть. Лежать." Голос чуунина был холодным командным, а на его лице застыл суровый взгляд. Вернон быстро повиновался, слегка пошелестев рамами картин на стенах, когда он тяжело опустился на стул. "Вы могли последние десять лет лгать себе, своему сыну, племяннику и всем остальным, но вы не можете лгать мне. Я знаю, как вы обращались со своим племянником. Я знаю, что ваш сын - избалованный, толстый хулиган, которому вы потворствовали и поощряли на каждом шагу. Я также знаю, что если с этого дня с Гарри не будут обращаться хотя бы с минимальными нормами человеческой порядочности, все остальные будут знать, что вы держали ребенка в шкафу, пока две спальни оставались незаселенными. Они будут знать, что вы нагрузили его непосильной работой, в то время как вы с сыном бездельничали. Они узнают, что вы осыпали своего сына обильной едой, игрушками и новой одеждой, в то время как ваш племянник был вынужден питаться объедками со стола и подержанной одеждой, которую едва можно было назвать лохмотьями. Они будут знать, и они будут удивляться, как два человека могли так ненормально относиться к ребенку".

"И это будет до того, как я приду за тобой".

"Вот что произойдет: Гарри будет получать адекватные порции еды того же качества, что и остальные. Он будет пользоваться спальней, которой пользовался непосредственно перед школой. Ему будет разрешена разумная свобода передвижения и общения с друзьями. Ему будет разрешено выполнять летнее чтение и домашние задания, а также продолжать заниматься спортом. У него будет не больше и не хуже обязанностей по дому, чем у его двоюродного брата".

"Вы не будете его бить. Вы не будете его насильно удерживать. Вы не будете пытаться конфисковать, спрятать или уничтожить его вещи. Вы будете соблюдать дисциплину справедливым и разумным образом. Вы будете разговаривать с ним вежливо, воздерживаясь от таких эпитетов, как "урод". Вы будете следить за тем, чтобы ваш сын также соблюдал эти ограничения".

"Я буду навещать его не реже двух раз в неделю, чтобы проверить его и убедиться, что эти правила соблюдаются. Я буду знать, если они будут нарушены. Я не всегда буду объявлять день и время своего прихода, и мое присутствие не всегда будет очевидным". При этом он достал свою палочку, получая мстительное удовлетворение от того, что они вздрогнули от этого действия, и от их воплей ужаса, когда он на мгновение дезиллюминировал себя (он уведомил соответствующее министерство о том, что в тот день он будет творить несколько заклинаний в этом районе).

"Я могу быть где угодно, - сказал Ирука из-за спины Дурслей, когда он снова появился в поле зрения, вызвав еще пару воплей, - и до того, как стать учителем, я служил в качестве солдата. Не испытывайте мою терпеливость". Ирука повернулся к своему ученику с безмятежной

улыбкой. "Может, поднимемся в твою комнату?"

Несколько дней спустя, после первого осмотра Гарри (все было хорошо, хотя и напряженно), Ируку вызвали в кабинет директора.

После обычных приветствий, рассаживаний и отказов от сладкого, Альбус заговорил. "Сегодня я получил интересное письмо через магловскую/магическую почту. В нем тетя Гарри Поттера, Петуния, выдвигает против вас очень серьезные обвинения, в основном связанные с попыткой угрозами и вымогательством заставить их предоставить Гарри особое обращение. Учитывая довольно экстремальный характер этих обвинений, тот факт, что они выходят за рамки моего представления о вашем характере, и то, что я сильно сомневаюсь, что юный Гарри потерпел бы такое поведение по отношению к своей семье, я посчитал разумным попросить вас рассказать о событиях".

"Я действительно угрожал, - признался Ирука, - хотя большинство из них были скорее социального, чем физического характера. А вот то, что я требовал "особого отношения" к Гарри, - бессовестная ложь. Если бы я смог найти кого-нибудь порядочного, кто мог бы надежно получить и сохранить опеку над Гарри вместо Дурслей, я бы так и сделал, но вы, наверное, лучше меня знаете, какой запутанной кашей является опека над детьми в Волшебной Британии". На хмурый кивок Дамблдора он продолжил. "Многое из того, о чем мы с Гарри говорили на наших личных встречах, так и осталось личным, но я могу сказать вам, что его опыт на уроках зельеварения этой осенью был тем, что некоторые могут назвать "вкусом дома" при очень вольном определении слова "дом"".

"Ирука, хотя я не могу делиться подробностями - ты, вероятно, лучше меня знаешь концепцию "необходимости знать" - ты должен понять, что есть очень конкретные и важные причины, по которым Гарри остается со своей семьей во время летних каникул. Хотя ему не обязательно оставаться в доме постоянно, и он может покинуть его через несколько недель, жизненно важно, чтобы он возвращался туда на некоторое время каждое лето. Хотя Дурсли могут быть суровыми, они все же его родственники, а семья заботится о семье".

"Альбус, хотя я не могу делиться подробностями, ты должен понимать, что Дурсли не считают Гарри семьей или, возможно, даже человеком. Из того, что вы рассказали мне о своей кампании по подслушиванию, директриса Дервент может подтвердить мою оценку. Обращение с Гарри со стороны его родственников было настолько плохим, что мы должны быть благодарны за то, что они никогда не рассказывали ему о магии". Нынешний директор и бывшая директриса (чей портрет перестал притворяться дремлющим при упоминании ее имени) выглядели озадаченными. "Если бы он знал, почему они обращаются с ним так сурово, он мог бы попытаться подавить причину". Директриса Дервент явно поняла и согласилась, так как выглядела положительно больной. "Я уверен, что такой образованный человек, как вы, знаком с работами Ньюта Скамандера?"

Ирука сразу же понял, что его работодатель хочет сказать, так как лицо мужчины внезапно, казалось, сделало все возможное, чтобы цвет его белоснежной бороды соответствовал цвету его волос. Его голова метнулась к портрету его предшественника. "Правда, Дилис? Он мог бы..."

"Да, Альбус", - мрачно сказала бывшая директриса, - "он мог бы развить Обскуруса".

Впервые за все время Ируки Альбус Дамблдор выглядел на все свои сто десять лет и, возможно, на десятилетие или два больше. "Неудивительно, что вы были так холодны со мной; я думал, это из-за нагрузки, связанной с работой с чарами подслушивания, но вы справедливо обвинили меня в том, что бедный Гарри пережил за последнее десятилетие".

Директор снова повернулся к своему гостю. "Ньютон Скамандер, возможно, и зафиксировал феномен Обскура, но его труды никогда не могли передать всей реальности. Видеть, как мучается ребенок, особенно тот, о ком ты заботишься, и не иметь возможности помочь... одновременно любить его и бояться, и знать, что он почти наверняка недолго проживет в этом мире... Это не та судьба, которую я бы пожелал кому-либо. И все же теперь я слышу, что чуть не навлек это бедствие на Гарри Поттера... Похоже, я должен искренне извиниться перед целым рядом людей, и в первую очередь перед мистером Поттером. Я полагаю, что вы взаимодействовали с Дурслями, чтобы убедиться, что они правильно обращаются со своим племянником?" Ирука кивнул. "Хорошо. Я могу сам навестить Петунию, чтобы просветить ее относительно того, что она и ее муж едва не натворили. Хотя риск в основном уже миновал, я бы предпочел быть абсолютно уверенным, что подобное не повторится. Ты можешь идти, Ирука; мне нужно многое обдумать".

Ирука кивнул и поднялся, чтобы уйти. Дойдя до двери, он заметил: "В следующий раз, когда мы будем говорить о моем мире, напомни мне рассказать тебе о Сабаку-но Гааре. Он не был Обскуралом, но сходство... Его братья и сестры, вероятно, имеют представление о том, что чувствуют те, кого ты описал".

http://tl.rulate.ru/book/73572/2110095